

Леонид ШЕЛУДЬКО

НЕЛЮБИМЫЙ

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА 1. ТАЙНА

Ваня Ладушкин мчался из школы домой с двумя свежими «пятёрками» в портфеле. Был день рождения мамы, и Ваня предвкушал, как она обрадуется. Вбежал по лестнице на четвёртый этаж, открыл дверь своим ключом, влетел в прихожую и отшвырнул в сторону тяжёлый портфель с драгоценными «пятёрками», чтобы поскорее скинуть надоевшую за день школьную форму. И тут слева, оттуда, куда полетел портфель, из-за прикрывавшей вешалку занавески, взметнув её, рухнула высокая подставка для цветов. И ваза, любимая мамина ваза тонкого чешского хрустала. И букет прекрасных белых роз, неизвестно где раздобытый вчера папой. «Ну, Ванюшка, куда мы эту красоту спрячем, чтобы мама раньше времени не увидела?» Вот и спрятал... Ваня глянул на мокрые, смятые падением цветы, на растекающуюся среди осколков хрустала лужу, не веря случившемуся, и закрыл глаза: «Не хочу, не хочу, пусть это будет сон, пусть это просто померещится!». А когда с замирающим сердцем открыл их, увидел обтянутую кожзаменителем дверь их квартиры, бронзовые цифры квартирного номера на ней, такой же бронзовый ободок глазка и пластмассовую кнопку звонка справа от двери. Кнопку, до которой он теперь дотягивался, только чуть-чуть привставая на цыпочки. Ваня аккуратно поставил портфель на пол у двери, не спеша достал ключи из кармана. Открыл дверь, перешагнул порог, аккуратно переставил с лестничной площадки в прихожую портфель. Заглянул за занавеску, увидел букет белых роз в вазе и только тогда закрыл за собой дверь, стараясь, чтобы даже защёлка замка сработала бесшумно.

– Что случилось, заюшка? – спросила мама вечером, проводив последних гостей. – Какой-то ты сегодня грустный. В школе проблемы?

– Нет, мамочка. Две «пятёрки» получил.

– Какой ты у меня молодец! А как себя чувствуешь?

– Нормально, мама, не беспокойся.

– Дай я тебя поцелую, чтобы крепче спалось, – она прижалась губами ко лбу сына, заодно проверяя поцелуем температуру – не приболел ли: – Спокойной ночи, заюшка.

«Было или не было – отлетевшая занавеска, грохот, звон и цветы в луже среди осколков – было или не было? Если не было, то почему я помню это, а если было, почему стало так, будто не было?» И даже когда уснул, устав думать об этом, ему снились белые розы – то в луже, то в вазе. Букет ещё неделю стоял в тонком чешском хрустале, пока мама не убрала совсем увядшие цветы в мусорную корзину. И случившееся с Ваней понемногу ушло в глубины памяти мальчика, начало казаться просто сном.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, родители подарили сыну велосипед, настоящий взрослый «Урал». Он учился кататься на прямых аллеях большого парка рядом с домом, любимого места прогулок и состязаний велосипедной компании окрестных дворов.

– А давай до конца, кто вперёд? – предложил однажды друг и одноклассник Мишка Уткин. Они стояли в самом начале сквозной аллеи, и Ваня кивнул головой, предвкушая азарт гонки. Привстав над сёдлами, друзья налегли на педали. Ваня вырвался вперёд, когда из поперечной аллеи, из-за прикрывавших её кустов акации, выкатилась девочка в нарядной белой блузке на изящной «Каме». Удар колеса тяжёлого «Урала» пришёлся в ногу девочки, и, уже падая вместе с нею, уже слыша крик её испуга и боли, уже бороздя по песку ладонями и чувствуя, как впиваются в кожу мелкие камешки, Ваня успел безмолвно, отчаянно воззвать: «Не хочу, не надо!». И услышал:

– А давай до конца, кто вперёд?

Ваня открыл глаза. Друзья стояли в начале аллеи, в нескольких шагах от входа. «Вон там всё это было, – он отыскал глазами злополучное пересечение аллей, – или не было?» Глянул на ладони, которыми только что бороздил песок и камешки рядом со сбитой ударом его велосипеда девочкой. Ладони как ладони. Чистые и гладкие. Только где-то внутри затихает не боль даже, а смутное, похожее на мурашки ощущение. Было или не было?

– Ну что молчишь, наперегонки?

«Он же гнался за мной, должен был тоже в нас врубиться! Было или не было?» И ответил себе: «Для меня было. А для него не было. И для той девочки, наверное, тоже».

А вслух сказал:

– Людей много, Мишка, вдруг кто-нибудь выйдет, бабуля какая или девчонка, не успеем затормозить.

Они не спеша поехали рядом. Мишка что-то рассказывал, Ваня слушал его вполуха, пытаясь понять, что делать со своим открытием, и поэтому друг первым увидел, как из поперечной аллеи выкатилась на изящной «Каме» незнакомая нарядно одетая девочка:

– Глянь, Ванька, новенькая какая-то.

Девочка эта, Маша Красавина, скоро вошла в их велосипедную компанию, а с началом учебного года стала ещё и одноклассницей. К тому времени, когда начались занятия, Ваня знал, что делать со своим открытием. И, как только получил первую двойку за устный ответ – не нарочно получил, а просто потому, что так вышло, – тут же вернул себя в предшествовавшую уроку перемену, прочитал нужный параграф и заработал четвёрку. А заодно убедился, что двойка эта, полученная на глазах у всего класса, только у самого Вани и осталась в памяти. Сначала он обрадовался открывшимся возможностям: любые оценки можно исправлять таким образом на пятёрки, и никто ничего не узнает! Да что там оценки, после любой ошибки можно тут же вернуться и сделать так, будто её не было. И вскоре ему представился случай.

Они вышли из школы вдвоём с Мишей и заметили шагавшую далеко впереди Машу. «Догоним?!» – бросились мальчишки следом и когда, отталкивая один другого, догнали, оба грохнулись, сбивая один другого, на скользком по-

сле оттепели тротуаре. Маша оглянулась, но даже не замедлила шага, только посмотрела насмешливо свысока. Они встали, отряхнули друг друга. «Машка, а давай я понесу», – выпалил Миша и мягко, но настойчиво завладел её портфелем. Так они и пошли дальше: высокая, худенькая Маша, рядом с нею гружёный двумя портфелями Мишка, а Ваня, сразу показавшийся себе лишним при этой паре, в стороне и чуть сзади. «Ведь это я хотел у неё портфель взять, – думал он, – я, я, я, почему Мишка?! Не хочу». Он задержал дыхание и прикрыл глаза, а когда открыл их, увидел школьный коридор, не спеша идущего в сторону туалета Мишу и уже одетую, готовую выйти на улицу Машу у раздевалки. Быстро накинул пальто, кое-как на ходу нахлобучил шапку и догнал девочку:

– Маш, можно я понесу твой портфель? – волнуясь, произнёс он.

– Ну неси, – глянула она на Ваню с любопытством, – неси, раз охота.

Рядом дошли они до пешеходного перехода, слегка пробежались, чтобы успеть на зелёный сигнал светофора, и последние шаги к тротуару делали уже на красный. За их спинами зарычали, трогаясь на гололёде, стоявшие у перехода машины, и тут сквозь гул до слуха детей донёсся отчаянный скрип тормозов и негромкий удар. Они оглянулись. Шедшее по крайнему левому ряду такси наконец затормозило, из него выскочил молодой водитель, подхватил на руки пытающегося подняться Мишу и понёс к машине. Дверца захлопнулась, такси сорвалось с места.

– Ванька, – крикнула Маша, – портфель Мишки подбери, а я за ним! – И она побежала, куда умчалось такси.

Догнать её с тремя портфелями в руках Ваня не сумел, да и не портфели были тому причиной, а внезапно ставшие непослушными ноги. На скамейке у отделения травматологии, куда привёз Мишу таксист, Ваня представил себе, как, забыв обо всём, мчался за ними вдогонку друг, как кинулся он по переходу уже на красный, надеясь проскочить. И вынес приговор: «Это я виноват. Я. Я. Я». И только спустя немалое время, когда у Миши уже срослось сломанное ребро, до Вани дошло, что можно было попробовать оттуда, с пешеходного перехода, снова вернуть себя в школу, и пусть бы всё было, как сначала.

Однажды вечером отец вернулся домой расстроенным. В ответ на «ты чего такой, пап?» Ваня услышал: «Не люблю халявщиков. Никогда не будь халявщиком, Ванька, никто их не любит!». Ваня даже похолодел от стыда: неужели отец узнал тайну украсивших в последнее время дневник сына отличных отметок? Но за ужином папа начал рассказывать маме про какого-то знакомого ей Семихатова, которого он даже назвал Семихаповым: «Халявщик, ну и халявщик!», и Ваня успокоился: «никто не знает...». Но, подумав, решил, что честные «двойки» лучше фальшивых «пятёрок». И пообещал себе не использовать свой странный дар до самой последней возможности. А лучше вообще никогда.

Весь мир говорил о спасении экспедиции Тура Хейердала и посадке «Аполлона-11» на Луну, а Ваня Ладушкин с другом Мишей Уткиным готовились к поступлению в политехнический институт соседнего областного центра. Первый экзамен, устную математику, они сдавали вместе, и Миша, споткнувшийся на логарифмических уравнениях и от волнения забывший даже то, что знал, мокрый и бледный, сидел в коридоре учебного корпуса:

– Всё, кончились мои институты, даже не начавшись!

И тогда Иван без малейшего сожаления вернул себя в предшествовавший экзамену день:

– Миха, обязательно разберись, пока есть время, с этими уравнениями, по которым всегда плавал. Чует моё сердце – тебе с ними просто так не разойтись.

Они стали студентами, и на несколько лет дом друзьям заменила пятиместная комната общежития. Над их кроватями висели чертёжные доски, с одной стороны которых кнопками крепился лист ватмана с очередным чертежом, а с другой – портреты кинокрасавиц с обложки журнала «Советский экран». Их новые товарищи по студенческой группе и комнате в общежитии удивлялись дружбе таких разных людей. Начитанный, много, хотя и неглубоко знающий Иван, высокий, спортивно сложенный обладатель обширного запаса анекдотов на любую тему, даже внешне выгодно отличался от коренастого, по-медвежьи сильного Михаила, любившего больше слушать, чем говорить, а больше чем говорить – делать своими руками.

ГЛАВА 2. ТРУС

Первые два года студенчества дались друзьям очень тяжело. Ивану приходилось иногда применять, чаще для друга, чем для себя, «эффект возврата», как называл он теперь таинственный дар, уже не считая это нарушением данного себе обещания. Миша даже спросил его:

– Ванюха, откуда ты узнаёшь, где меня засада ждёт?

– Откуда-откуда, – уклончиво ответил тот, – кому ещё про тебя знать, с первого класса рядом....

– А-а-а, – протянул Миша, соглашаясь, что «с первого класса».

На третьем курсе учёба пошла ровно, а на четвёртом даже весело, и времени теперь хватало не только на неё, но и на кино, вечеринки, девушек. Нельзя сказать, что до этого они не интересовались девушками, но интерес этот был скорее теоретическим, чем таким, от которого сердце начинает гулко бухать в груди. Каникулы перед началом четвёртого курса друзья провели в компании студентки медицинского института, их одноклассницы Маши Красавиной. Гуляли втроём по родному городу, по аллеям того самого парка, где когда-то познакомились на велосипедных прогулках. Она шла между ними, и Ваня чувствовал запах волос девушки. Иногда Маша брала под руки его и Мишу, и тогда у Ладушкина начинала кружиться голова от прикосновения тонких нежных пальцев. В такие минуты он становился особенно говорливым, сыпал студенческими историями, действительными или только что выдуманнными, а Уткин, по своему обыкновению, усмехался и поддакивал иногда. За неделю до окончания каникул компания распалась: у Маши, а потом и у Миши обнаружили неотложные дела. В тот раз друзья впервые уехали из дома не вместе, и всю ночь в поезде Иван думал об оставшейся в родном городе Маше.

– Ванюха, выручай. – Артур Савицкий, высокий круглолицый парень из соседней комнаты, поблёскивая карими, чуть навывкате глазами, от взгляда которых краснели и знакомые, и незнакомые девушки, говорил, для убедитель-

ности положив ладонь на плечо Ладушкина. – Одного человека не хватает. До полной компании. Тебя.

Артур встречался с девушкой. И девушка пригласила его. На день рождения. На квартиру. Которую снимала. С тремя подругами. Но поставила условие. Привести трёх парней. Чтоб никто не скучал. Артур всегда изъяснялся короткими рублеными фразами. Был вечер субботы, других планов у Ивана не имелось, и он пошёл наводить на брюки идеальные стрелки.

В разгар вечеринки, когда Ваня, танцуя, обнимал за плечи соседку по столу, светловолосую, синеглазую Свету, которая сразу понравилась ему, да и он ей, кажется, тоже, в полутьме освещённой одним ночником комнаты раздался возглас Артура:

– Парни! Половина двенадцатого! В общагу ехать больше не на чем.

– У-у-у! – Семь возгласов сменились взрывом хохота. Света, то ли нечаянно, то ли нет, прижалась к Ивану. Он обнял девушку за талию и нашёл губами её губы – остальные пары, похоже, давно занимались тем же. В пятом часу ночи, когда все устали пить, петь и танцевать, они так и легли отдыхать – парами, кто с кем танцевал. Иван лежал на боку, обнимая прижавшуюся Свету, и думал о Маше Красавиной. Ритмично заскрипела кровать в том углу комнаты, где расположились на отдых Артур и его подруга, Света шепнула Ивану: «Ты со всеми такой стеснительный?», и тогда он снова нашёл её губы. Утром девушка Артура сообщила проснувшейся компании, что настоящий день рождения у неё именно сегодня, а вчерашняя вечеринка – «просто так». Веселье возобновилось, и парни вернулись в общежитие только утром понедельника.

Прошло несколько недель. Иногда он встречался со Светой, не считая себя вправе, а может быть, не находя повода отказывать тянувшейся к нему девушке. Они ходили в кино, бродили по городу, и Света рассказывала о себе, о родителях и подругах, о пыльных улицах и заросших бурьяном задворках детства. «Тебе не интересно, – огорчилась она, – опять замолчал». А Ладушкин, только что охотно и остроумно обсуждавший новый фильм, сам не узнавая себя, замолкал, едва разговор переходил на личное. Чем больше думал Иван о случившемся между ними на вечеринке, тем труднее ему было смотреть в доверчивые глаза Светы. Так продолжалось, пока однажды вечером дежурный не вызвал его в холл общежития: «Ваня, к тебе пришли». В вестибюле стояла взволнованная Света. Едва они вышли на улицу, девушка произнесла:

– Что делать? Не убереглась я тогда!

«Вот и расплата», – понял он, когда осознал смысл сказанного. Но ответил только:

– Пока ничего. Подумать надо, а завтра встретимся и всё обсудим.

Он ответил так, чтобы успокоить девушку. Проводил домой, а когда возвращался к себе, думал только об одном: получится или нет. Дождался, когда все в комнате уснули, и начал переносить себя в прошлое. Короткими, мучительными, полными стыда и раскаяния рывками. Он всё же вернулся в ту самую субботу. А вернувшись, сразу после занятий, не заходя в общежитие, отправился на товарную станцию, куда они с Мишей время от времени ездили подработать грузчиками. Усталый, поздно вечером переступил порог полупу-

стой по субботнему обычаю комнаты и улёгся спать. Проснувшись, понял, что друг эту ночь провёл не дома. Миша отсутствовал всё воскресенье и явился лишь утром понедельника. На удивлённый взгляд Ладушкина ответил неожиданно многословно:

– С такой девушкой познакомился на дне рождения, с такой девушкой!

«Вон как обернулось: Савицкий, не застав меня, Мишку уговорил. Но, может, у них ничего и не случилось. А если случилось, то не со Светой. А если с ней, то обошлось», – пытался успокоить себя Ладушкин. Проскользнуло между его тревожных мыслей и холодное «а если не обошлось, я тут ни при чём». Проскользнуло и тут же сгорело. «Вернусь ещё раз назад, теперь-то всего на двое суток, любой ценой уговорю Мишку вместе поехать на товарную. Только ночи дождусь».

– А как зовут твою знакомую?

– У неё светлое имя – Света!

И Ладушкин не решился лезть в судьбу друга. Ещё раз прожил эти недели, ещё раз прослушал те же лекции и выполнил те же практические занятия. Снова познакомился со Светой: «Миша о вас столько рассказывал!». Весна врывалась в распахнутые окна общежития, Миша всё свободное от занятий время проводил с подругой, а Иван выжидал, готовый, если понадобится, опять прорваться в прошлое, а потом прожить эти недели по третьему разу. Не понадобилось. «Миша, к тебе пришли», – заглянул в комнату дежурный. Миша ушёл, а когда вернулся, то спросил:

– Станешь свидетелем на моей свадьбе?

– Почему так срочно? – заранее зная ответ, поинтересовался Ладушкин. – Весь пятый курс впереди. И защита.

– Потому, что ребёнок у нас будет.

Миша не поехал домой на последние летние каникулы. Только попросил Ивана, укладывавшего дорожную сумку:

– Моим я сам всё объясню, а ты... – Он замаялся, поморщился, пересиливая себя: — Маше Красавиной... Не говори пока... Ну, про свадьбу мою. И вообще про Свету. Я потом. Сам. А лучше скажи... Нет, врать не надо. Скажи, что я на севера поехал.

– А на самом деле?

– А на самом деле, Ванюха, так и есть. Денег на свадьбу заработать надо. Да и родители Светы там живут.

– Почему ты решил, что Маше знать не нужно?

– Ладно, – он снова поморщился, – давай считать, что я тебя ни о чём не просил. Поступай, как решишь.

«Неужели у них с Машей что-то было?», – гадал Иван. Встречи, которых он так ждал, начались с вопросов о Михаиле, и он, но уже не вздохнув, как раньше, рассказывал обо всём, что не касалось последних событий в жизни друга. О том же, что интересовало Машу больше всего, твердил: «На севера подался, деньги ему зачем-то понадобились». «Да какой ты друг, если самого главного не знаешь?» – возмущалась Маша и повторяла расспросы. Потом то ли убедилась, что ничего нового уже не услышит, то ли услышала в сказанном нечто, ведомое лишь ей, успокоилась и стала прежней Машей Красавиной, об-

щительной и весёлой. Они гуляли вдвоём, ладонь девушки лежала на сгибе его руки, голова кружилась от запаха её волос. Однажды, прощаясь поздно вечером у её подъезда, он поднёс к губам ладони девушки, поцеловал их и услышал грустное: «Хороший ты человек, Ваня, но – не надо...». «Не жди ты его, – захотелось крикнуть Ивану, – не вернётся он, свадьба у Миши осенью!». Не крикнул. Заранее знал – если крикнет, или скажет, или даже шепнёт, всё равно через минуту сотрёт это из её памяти. Но не из своей. «Наверное, такой и бывает любовь», – думал он по дороге домой о своём чувстве к Маше. И о чувстве, наполнявшем эту девушку и только что, почти случайно, всего одной фразой вырвавшемся наружу. На следующий день он уехал. Маша не зашла попрощаться, и ему стало даже легче.

В октябре друг сыграл свадьбу. Он был деловит и счастлив, его Света светилась от радости, и Иван, глядя на них, вдруг подумал: «А я струсил. Сбежал от неё через прошлое. Теперь они счастливы, а мне до конца жизни о трусости своей помнить». И одёрнул себя: «Нелюбимую в жёны брать и делать вид, что любишь, разве лучше? А если и в самом деле лучше?». Он переписывался с Машей Красавиной, и всегда она отвечала на письма, но сразу после этой свадьбы замолчала. На зимних каникулах съездил домой, но у неё не нашлось времени для встречи, даже по телефону отдалась сухим: «Некогда мне, Ваня». Он понял: это конец, Маша считает его если не предателем, то соучастником предательства. Перемучился, начал понемногу успокаиваться, и вдруг весной получил письмо, в котором девушка, как ни в чём не бывало, делилась новостями, попутно укоряя его в молчании.

Близилась защита дипломов, начались распределения будущих молодых специалистов. Пришло время выбирать дальнейшую судьбу, и Иван определился в родной город. А Миша Уткин – на новый, ещё строящийся в Средней Азии завод, где ему, семейному и с ребёнком, обещали квартиру в течение пары лет. Пожелав друг другу удачи, они расстались.

ГЛАВА 3. МАША

Когда Иван после возвращения в родной город встретился с Машей, то понял: появилась в душе девушки струна, которой нельзя касаться. И он, сходя с ума от желания обнять, согреть, защитить, топтался возле неё, растерянный, бессильный изменить что-либо в прошлом так, чтобы никому не было больно.

Пришло время, и начальник литейного цеха предложил формовщику Ладущкину перейти работать мастером. Тот задумался. Одно дело отвечать за себя и совсем другое – за три десятка таких разных, молодых и в возрасте, опытных и не очень, то надёжных, как черенок от лопаты, а то скользких, как обмылок, рабочих. «Но ведь для чего-то же я получал высшее образование, – думал он, – да и «эффект возврата», если очень понадобится, смогу применить. Хотя лучше, конечно же, без него». Подумал-подумал и согласился. Маша, узнав об этом, сказала: «Не струсил. Одобряю». Они продолжали встречаться, и Иван, хотя видел, что другие молодые люди тоже оказывают Маше знаки внимания, не делал из этого трагедии, надеялся и ждал.

Он набирался опыта и уже уверенно лавировал между сложностями производственных ситуаций и отношений, не прибегая к своему непонятному,

но безотказному дару. Ему нравились ночные смены, избавлявшие от присутствия надзорного, всегда на что-то указующего, всегда чем-нибудь недовольного дневного люда, оставлявшие Ивана один на один с работой. Ночные смены начинались с тишины пересменок, когда отработавшие своё люди, грязные и усталые, уходили в душевые, а формовщики новой смены расходились по местам, не торопясь включать механизмы, и механизмы тоже устало молчали, словно стараясь продлить, сколько возможно, эти минуты отдыха. Шипел воздух из неплотностей пневмосистем, погромыхивал по монорельсу последний транспортёр дневной смены с пустым, ещё слабо светящимся остатками жара от вылитого металла ковшом, да дежурный электрик гасил лишние лампы. Но вот мягко взывали конвейеры формовочной смеси, заглушая их, ударили пулемётные очереди полуавтоматических линий, первые струи металла, разбрызгивая искры, падали в жадно подставленные ковши, и музыка работы заполняла старые стены.

В одну из таких смен нетрезвый оператор сунул руку в работающий механизм, и прибежавший на истошный вопль Иван, не раздумывая, вернул себя в самое начало смены, сказал этому человеку «а ну дыхни» и сдал явившимся с проходной охранникам. Те с удовольствием оформили «нетрезвяк», а утром виновник встал перед Ладушкиным за проходной:

– Что, мастерок, выслужился перед начальством?! Сдал рабочего человека, сволочь? Вывернул мне карманы, гадёныш?!

– Знал бы ты, – злой Ладушкин, только что выслушавший разнос начальника на тему «надо было по-тихому решить!», не деликатничал, – знал бы ты, от чего я тебя спас, пьянь ты безмозглая, руки бы мне целовал!

Услышал ли тот в словах Ивана невысказанное, прочёл ли нечто на его лице? Или всплыло всё же на мгновение из тайного уголка памяти, как бился, дикими от ужаса глазами пялясь на торчащий из обрывка рукава обломок плечевой кости? Зажал он ладонью той самой руки свой только что извергавший матерные ругательства рот и отшагнул в сторону, уступая дорогу. Тогда и мелькнуло в голове Ивана: «Не может быть, чтобы такое следа в памяти не оставляло...». После этого случая руководство завода решило, что Ладушкин «принципиальный молодой специалист, не мирящийся с нарушениями трудовой и производственной дисциплины».

Он не терял надежды, и показалось ему, будто ослабла до боли натянутая, уставшая болеть струна в душе Маши. В тот вечер они возвращались из театра через парк, где много лет назад увидел он её нарядной девочкой на изящной дамской «Каме». Листопад царил теперь в парке, и большие жёлтые, красные и рыжие кленовые листья ласково касались волос девушки, нахально скользили по рукам, по спине и, опьянев от любви, падали к её ногам. У дверей подъезда она вдруг положила ладони на плечи спутника, привстала на цыпочки, поцеловала его в щёку возле губ: «Спасибо за хороший вечер, Ванечка», – и скрылась в подъезде. Хмельной от счастья, возвращался Иван домой, крутя в голове «ну почему я побрился утром, а не перед самым театром?» и поглаживая слегка шершавую щёку. С этого поцелуя всё и началось, а когда однажды она сказала почти буднично, почти между прочим: «Хочешь зайти? Мои на дачу уехали с ночёвкой», он уже знал, для чего поднимается за нею по тёмной

лестнице. Так и вышло: в тёмной, только лунной освещённой спальне прошептала она припухшими от поцелуев губами «не боишься, что забеременею?», и он выдохнул счастливое «мы же всё равно поженимся...».

– Ты не забыла, что нам заявления в загс относить? – спросил он открывшую ему дверь, совсем по-домашнему одетую девушку.

– Нет, – проговорила она, – только сначала спросить тебя хочу.

– О чём? – улыбнулся он и вдруг почувствовал, как снова зазвенела в душе любимой больная струна.

– Ты тогда, в первую нашу близость, понял, что у меня до тебя кто-то был?

– Допустим, понял, – ответил он, чувствуя, как сползает с лица улыбка, – а какое это имеет значение?

– Хочешь знать о нём?

– Нет, – отрезал Иван, – значение имеет только одно: чтобы с той самой ночи между нами честно было.

– Именно для того, Ваня. Чтобы честно было. Моим первым стал твой друг. Миша.

– Я давно догадался, – грустно улыбнулся он, – задолго до той ночи. Она просто подтвердила.

Маша опустила на стоявший в прихожей табурет. Будто устав от тяжёлой работы, припала спиной к стене:

– Любила я его. Думала, будем с ним вдвоём по жизни идти – Миша и Маша.

А теперь получается – Иван да Марья. – Помолчала, чему-то грустно улыбнулась: – Есть такое растение, иван-да-марья. Целебное. Это я тебе как фармацевт говорю. Но и ядовитое, если неправильно применить. Не испугаешься?

– Нет, – ответил он спокойно и твёрдо.

– Тогда посиди на кухне. Минут через десять буду готова.

Когда у них случилась первая пустяковая, на ровном месте ссора, и они в первый раз помирились, Иван нашёл в одном из фармацевтических справочников Маши статью о растении иван-да-марья: «Легенда о происхождении названия говорит: молодые люди – парень и девушка – горячо полюбили друг друга, а затем поженились, не ведая о том, что они брат и сестра. А когда узнали об этом, чтобы не разлучаться, превратились в цветы иван-да-марья, окрашенные в разные цвета, синие и жёлтые. С тех пор этот цветок стал символом верности». Далее следовало описание целебных свойств и предостережение о токсичности. «Что же, поживём – увидим», – подумал он.

ГЛАВА 4. НЕЛЮБИМЫЙ

– Трус ты, Ладушкин, а не мужик. – Маша понемногу успокаивалась и, как всегда в такие минуты, жалела себя и свою незадавшуюся жизнь. – Другой бы стукнул кулаком по столу, а то и похуже, чтоб я сразу поняла, кто в доме хозяин, а ты, как всегда, в кусты: да милая, да хорошая, да люблю... А я мужика в доме чувствовать хочу!

«Знала бы ты, помнила бы ты то, что помню я. Хотя бы ту единственную оплеуху, от которой у тебя из носа кровь хлынула, истерику свою на полу, кровь на лице, на блузке, на ковре. А я до последней минуты помнить буду. Да

и у тебя в закоулочках памяти должны же сохраниться слёзы твои, я же столько тебе сгоряча наговорил, не может быть, чтобы ничегошеньки не осталось!» Но вслух он сказал только:

– Если тебе такой муж нужен был, почему за меня пошла? Видела же, что я другой.

– Видела, – вздохнула она, – конечно, видела. А что мне оставалось, когда время подошло? Не я бы тебя, так другая, как телёнка, увела. Как та баба Мишу. Ты парень видный был, да и долго ещё будешь. И добрый. Ладно, Ладушкин. Закончим, дети сейчас придут.

В первые месяцы совместной жизни она называла его Ваней, иногда даже Ванечкой, но потом появилось в её речи будничное «Ладушкин», да так и прижилось, а счастливый Иван даже не заметил. И не придавал значения тому, что осталась Маша после свадьбы на своей девичьей фамилии Красавина: «Главное, мы вместе». Прошло немало времени, у них уже подрастали дочери, когда дошло до него, что между ним и Машей незримо присутствует кто-то. Тень этого человека. Даже не тень, а призрак тени, намёк на призрак тени друга Миши Уткина: «у других мужиков любое дело в руках горит...», «другие вон деньги для семьи зарабатывают...», «другой бы сам все вопросы решил...».

Хотя в общем жили они хорошо, дружно и весело, души не чаяли в дочерях, не пропускали концерты и выставки, ходили в гости, принимали гостей, а в кругу друзей, коллег по работе и знакомых считались счастливой семьёй, стараясь, чтобы так и было. И всё же чего-то недоставало красивой паре, чего-то, на чём незанятом месте в минуты усталости или раздражения появлялась и вставала между ними эта тень.

Тем временем Иван Сергеевич Ладушкин работал уже начальником цеха. Теперь он сам требовал от подчинённых мастеров и технологов решать скользкие вопросы «по-тихому» и учил их грамотно делать это. К прежней своей репутации «принципиального молодого специалиста, не мирящегося с нарушениями трудовой и производственной дисциплины» добавил он ещё и репутацию «глубоко знающего производство мастера оправданного риска». И только он один понимал, сколько в этом «оправданном риске» его, Ивана Сергеевича, действительно глубоких знаний и обширного опыта, а сколько страховки «эффектом возврата». Ладушкин состоял в приятельских отношениях с большинством инженеров, имел авторитет у рабочих своего цеха и известность в рабочей среде завода – но и только. Коллега, начальник такого же цеха, поведал ему в минуту пьяной откровенности, помахивая перед лицом дымящейся сигаретой:

– Какой-то ты не такой, как все, Сергеич. Вот. Безошибочный какой-то, будто заранее знаешь – что, где и с кем. Всё у тебя правильно, всё измерено и взвешено. Вот. Нет, уважают тебя, конечно. И я в том числе. Но вот любить вряд ли будут. Не такой ты, чтоб тебя любить. Вот даже и пьёшь, как все, а пьяным тебя ни разу не видели. Вот.

– Ты себе даже представить не можешь, Ладушкин, какое это испытанье, какой труд – с нелюбимым жить!

Не выдержала, сказала Маша то, о чём до сих пор невозможно было говорить вслух. Сказала – и не разверзлась земля под ногами Ивана, не упало небо на его голову, вообще ничего не случилось:

– Ты права, как всегда. Я живу с женщиной, которую люблю. Знаю, что такое труд любви. И не жалею ни о чём.

– Я ведь так надеялась полюбить тебя, так надеялась! Да, видно, пока та моя любовь сгорала, она всё вокруг себя выжечь успела...

Он обнял жену, вдохнул запах её волос:

– Бедная моя, любимая. Всё будет хорошо. Одной любви нам на двоих хватит...

– Вот опять ты правильные слова сказал, – грустно заметила она, отстраняясь. – Но как меня иногда от твоей правильности бесит! И как тебя, такого правильного, мне, такой неправильной, полюбить?

«Лучше бесись, чем плачь. Когда вижу твои слёзы – хочется умереть. Вот и говорю правильные слова, иногда – до тошноты правильные. Хорошо, хоть сегодня без этого обошлось. Как чувствовал, так и сказал. – Тяжёлые мысли ворочались в голове Ивана: – А нелюбовь твоя – расплата мне за Свету, за трусость».

ГЛАВА 5. ЭФФЕКТ ВОЗВРАТА

Советский Союз рушился, новые власти делили власть, танки били по Белому дому Верховного Совета. Россия въезжала в годы, названные позже одними людьми – «святыми девяностыми», другими – «лихими». И однажды в родной город вернулся Михаил Уткин. Остановился у родителей, огляделся, снял квартиру и перевёз семью: жену и сыновей.

Иван Сергеевич Ладушкин получил повышение и работал теперь главным технологом завода. Его мнение высоко ценилось коллегами, заработанных денег вполне хватало на жизнь, а их с Машей супружескую пару по-прежнему считали эталоном счастливой семьи. Но всё это не приносило ему радости.

«Кого сделал счастливым тайный мой «эффект возврата»? – думал он, перебирая события своей жизни. – Ну, не разбилась ваза с цветами. А разбилась бы – велика беда? Да и не понял я тогда ничего. Машу на велосипеде не сбил? Садины наши всё равно зажили бы, да ещё и сблизить могли нас. Другу помог экзамен сдать. Он бы и без этого на следующий год поступил. Свету хотел от беременности уберечь. Не уберёг. А если бы не струсил тогда, глядишь, и полюбил бы её. И счастлив с нею мог быть. Зато другу нечаянно счастье это передал. А вот Маша поэтому несчастлива до сих пор. Дураку пьяному на работе руку сберёг. Хоть это на пользу пошло. Видно, зацепилось что-то в мозгу у него, не могло не зацепиться такое: до сих пор ведь работает и даже здороваться ещё издали начинает. Неужели только ради этого мне дар достался? Хотя вообще-то я тогда самого себя от ответственности спасал. Узнал, где упаду, вернулся и соломку подстелил. Да, соломку стелить я научился. В начальниках цеха дважды людей от смерти этим «эффектом возврата» спасал, себя, опять же, от ответственности уводя. Один потом от инфаркта умер дома в постели, а другой, новенький, вскоре уволился, я даже лица его не помню. Разное другое... Эксперименты рискованные ставил, всё тем же «эффектом» смелый, узнавал, где соломку стелить, какую и сколько. Для цеха вроде бы старался. Для завода. А завод очередные хозяева когда-нибудь продадут под снос. В луч-

шем случае под торговый центр. И будут люди ходить по залам и бутикам, не зная, что я и многие тысячи других в этих стенах половину жизни прожили. Машу мою от нелюбви спасти пытался. Надеялся счастливой сделать. Не спас. Я один помню всё так, как было на самом деле. Помню – и тащу на себе эту память».

В тот день они на даче поджидали к обеду дочь, двадцатилетнюю студентку Вику, которой с утра надо было решить мелкий, как она объявила мимоходом, вопрос.

– Младший Уткин возле неё крутится. Спрашиваю: у вас это серьёзно? – говорила мужу Маша, кроша зелень для салата. – Отвечает: ещё чего не хватало, и усмеяется. А глаза серьёзные. Как думаешь, не врёт?

– Вон уже и Вика идёт, – глянул в окно Иван.

– Сидите? Эт хорошо, – впорхнула Вика в дом. – Нет-нет, мамуль, не вставай пока. Я тут тест на беременность осуществила, так она подтвердилась.

– Что подтвердилось? – то ли не понял, то ли не поверил отец.

– Викуся, ты соображаешь, что говоришь? – мать старалась казаться спокойной, но ей это плохо удавалось. – Такими делами не шутят.

– Какие тут шутки, мамуль, два раза проверила.

– И кто же тебя?.. С кем это ты?

– Кто этот перс? В смысле персонаж? Друг юности, Мишанька Уткин.

– Вот как далеко у вас зашло.... – Мать говорила, будто всматриваясь в слова прежде, чем их произнести: – А он знает об этом?

– Само собой, мамуль, первым.

– И как отреагировал?

– В осадок не выпал. Говорит: айс, пойду родакам сдаваться, но старый сперва убьёт.

– Поздно убивать, – всё так же всматриваясь в слова, проговорила мать, – раньше надо было...

Они собирались ночевать на даче, но неожиданное известие всё изменило. Родители заторопились домой, дочь отказалась присоединиться:

– Надо одной побыть, сперва сама инфу перетру, потом и вместе можно.

– Небось, «персонажа» сюда вызовешь?

– Может, и вызову. Если решу, что пора.

Машина Ладускиных стояла в ремонте, и они пошли на остановку дачной маршрутки. Накрапывал дождь, ведущая к загородному шоссе дорога раздвоилась, они свернули на относительно короткую, быстрее выводящую к остановке грунтовку и шли теперь вдоль шоссе, отделённые от него полоской лесопосадки. Дождь усиливался. Иван держал над женой раскрытый зонт, но менее всего думал о дожде, потому и звучало время от времени:

– Ну как ты зонтик держишь? Весь дождь на меня!

Он поправлял зонт и снова всматривался в события последних полутора-двух месяцев, стараясь увидеть хоть малейшую возможность повлиять на эти события, и не находя её.

– Ты что, совсем зонтик держать разучился?!

Машу трясло. От сырости, от налипшей на обувь грязи, от внезапно навалившейся проблемы, а более всего от мужа, от его отрешённого, невесть во

что упёртого молчания, от неспособности понять и облегчить её тоску или хотя бы по-человечески держать зонт:

– Будь ты хоть сейчас мужиком, придумай что-нибудь, сколько я могу одна мучиться, это же твоя дочь!!

– Машенька, давай успокоимся, подождём. Вика разберётся в себе, поймёт, чего хочет, тогда и решим! – понемногу накаляясь, ответил Иван.

– Вот ты уже и на ребёнка всё переложил! Какой ты мужик?! Видеть тебя больше не могу!!

Она оттолкнула мужа и, заслонившись, сколько могла, поднятым воротником плаща от дождя, почти побежала к шоссе сквозь промежуток между деревьями лесопосадки. Вскрик автомобильных шин на мокром асфальте, негромкий звук удара – и его Маша мешком тряпья взлетела и исчезла за отчаянно и бесполезно тормозящей фурой.

– Нет! Не хочу! – прокричал он и услышал:

– Вот ты уже и на ребёнка всё переложил! Какой ты мужик?! Видеть тебя больше не могу!!

Она оттолкнула мужа, но Иван, успевший схватить жену за руку, бросил зонт, пытаясь другой рукой перехватить её за талию. Маша скинула с локтя на ладонь дамскую сумочку с окованными металлом уголками и взмахнула ею, целясь мужу в лицо:

– Ненавижу!!

Удар металлическим уголком пришёлся в глаз, от неожиданности Иван на мгновение ослеп и ослабил хватку. Маша вырвалась, кинулась к шоссе сквозь промежуток между деревьями. Он бросился за нею, отставая всего на шаг, понял, что не успевает догнать и остановить, прыгнул, вложив в этот прыжок всю свою силу и всю любовь, и успел-таки вытолкнуть, выбить её за габариты налетающей фуры. А ещё успел увидеть широко раскрытые, слепые от отчаяния глаза водителя.

Иван лежал на обочине шоссе. Под его головой была та самая сумочка. Лил дождь. Маша в грязном от падения на мокрый асфальт плаще, заслоня мужа собою от косых струй, грязными ладонями растирала по лицу слёзы пополам с дождём:

– Ванечка, не умирай! Ванечка, я люблю тебя! Не умирай, Ванечка!!

Он знал: у него есть ещё и силы, и несколько минут времени, чтобы вернуть себя и её назад, найти нужные, правильные слова или просто увести с развилки другой дорогой. Но зачем? Ведь она только что полюбила его. Он наконец-то был счастлив и хотел дожить в этом счастье столько, сколько ему осталось. Иван глядел в мокрое, грязное лицо любимой, прощаясь с нею одним взглядом, потому что ни руки, ни губы уже не подчинялись, и тут его пробило: «как же ты без меня останешься, кто тебя беречь будет?». Собрав последние капли сил, закрыл глаза: «нет, не хочу!». А когда, уже почти не надеясь, открыл их, Ладушкины стояли на развилке. Иван покачнулся, снова ощутив ещё не вполне послушное, в холодных мурашках тело, и огляделся. Грунтовая дорога, натопанная и накатанная любителями короткого пути к трассе, спускалась от асфальта дачной улицы по переулку вниз, под горку. Асфальт тоже выводил к остановке, только изрядно петлял среди строений дачного посёлка.

– Пойдём-ка поверху, Машенька, – поднял он над женой зонт, – дальше, зато грязи не нацепляем.

Она согласно кивнула, и вдруг почувствовала: владевшее ею всего мину-ту назад чувство безысходности, одинокости под мрачным плачущим небом осталось по ту сторону тонкой, туго натянутой ткани мужнина зонта, и теперь лишь бессильно барабанило в его купол.

Трудно сказать, изменилось ли что-то в их отношениях. Иногда они ссорят-ся, и Маша говорит Ивану незаслуженно, а порой и заслуженно обидные сло-ва, но ему даже тогда видится грязное, мокрое от дождя и слёз лицо: «Я люблю тебя, Ванечка!». Наверное, что-то происходит с его то рассерженной, то вино-ватой физиономией в такие минуты. Маша видит это, и не воспоминание даже – невозможно помнить не случившееся – а неуловимо зыбкая тень воспоминания, призрак тени воспоминания о произошедшем под проливным дождём на обочине шоссе, всплывая неведомо откуда всего на несколько мгновений, обнимает её душу. И этих мгновений бывает достаточно. Полюбит ли она его когда-нибудь, как тогда, или хотя бы просто полюбит? Кто знает, кто знает...

*Июнь – июль 2019 года,
Санкт-Петербург*